

ОТЗЫВ

официального оппонента о диссертации

Балашовой Елены Анатольевны

«Функционирование русской стихотворной идиллии в XX-XXI вв.: вопросы типологии»,

представленной на соискание ученой степени

доктора филологических наук

(специальность 10.01.01 – русская литература)

Научное исследование Елены Анатольевны Балашовой, представленное на соискание ученой степени доктора филологических наук, посвящено **актуальной** научной проблеме исследования жизнеспособности жанра идиллии в литературе XX-XXI столетий. Оно встраивается в ряд появившихся в последние годы диссертационных исследований, в которых предметом рассмотрения стали модели жанрообразования в новейшей литературе (см. диссертационные исследования А.А. Боровской (2009), С.В. Быченковой (2006), Е.Е. Завьяловой (2006), М.Ю. Звягиной (2001) и др. Появление этого круга исследований не случайно и мотивировано специфическим этапом развития отечественной словесности, нацеленной на пересмотр устоявшихся, канонов, в том числе жанровых, поиск новых эстетических решений, который подчас состоит в реанимации давно забытых жанровых моделей.

В своем исследовании Е.А. Балашова убедительно доказывает жизнеспособность жанра идиллии в современных эстетических условиях. Она констатирует маргинализацию жанра идиллии, демонстрируя огромным числом текстовых доказательств (более 3000), что почти не встречающаяся в русской литературе идиллия, тем не менее, «оказывается продуктивной жанровой моделью» в поэзии XX и начала XXI вв.» (с. 4 дисс.). Правомерным представляется осуществленное Е.А. Балашовой стремление соотнести наблюдения над эволюцией идиллии с представлением о логике

процесса культурных трансформаций, увиденных сквозь призму исторической поэтики (по С.Н. Бройтману, состоящей в смене эпохи синкретизма эйдетической эпохой и эпохой художественной модальности). В свою очередь, такой подход позволяет автору диссертации не просто развести идиллию как жанр и идиллическое как обозначение типа художественности, а увидеть процесс замены идиллии идиллическим в динамике.

Несомненная **новизна** исследовательского подхода Е.А. Балашовой заключается в том, что идиллия и идиллическое исследуются на поэтическом материале, который прежде не становился предметом рассмотрения в обозначенном аспекте (творчество А. Герцык, О. Чухонцева, Д. Бобышева и др.), что открывает новые, остававшиеся без внимания исследователей стороны индивидуального творчества ряда авторов, в числе которых В. Хлебников, А. Крученых, П. Васильев и др. Привлекательной стороной работы является реализованное в ней стремление систематизировать литературоведческое представление о жанре идиллии, предложив типологию идиллической тематики и проблематики.

Идиллия даже на ранних этапах ее развития представляется Е.А. Балашовой явлением не столько формального, но, прежде всего, мировоззренческого, аксиологического свойства, ибо изначально «идиллия – это увековечивание жизненных идиллических ценностей» (с. 20 дисс.). Автор диссертации демонстрирует, как по мере бытования идиллии изначально заложенный в ней содержательный компонент формирует ее жанровый канон. Она правомерно утверждает, что идиллия обладает устойчивым тематическим ореолом. Это чрезвычайно важно для рецензируемой работы наблюдение позволило ее автору выстроить типологию тематики современной идиллии.

На страницах работы неоднократно конструируются смысловые ряды, типологизирующие тематику идиллии (с. 94, 119, 291), особенности ее событийности (с. 202-214), варианты пространственно-временных

отношений (с. 161-183), что свидетельствует одновременно и о глубоком знании диссертанткой типологизируемого поэтического материала и является практическим приложением **методов** исследования (типологический, историко-генетический), которые легли в его основу (см. с. 5 дисс.).

При всей очевидной необходимости для логики работы предпринятых типологий некоторые сомнения у нас вызывает правомерность выделения (или, скорее, точность словесного обозначения) отдельных тематических групп. Так, на сс. 118-119 дисс. обобщена тематическая направленность современной идиллии, а в ней смешиваются рубрики, обозначающие мотивы (изображение мирного труда, бегство из городской суеты и др.), и тематические группы (пейзажная идиллия, антологическая идиллия), а на с. 291 ««кладбищенские» настроения» названы «одним из самых частых мотивов идиллии» (в то время как с нашей точки зрения то или иное фиксируемое в тексте «настроение», авторская эмоциональность должны быть соотнесены не с уровнем мотивом, а с типом художественности).

В терминологический аппарат диссертации включены такие понятия, как модус художественности, жанровый канон, жанровый закон, память жанра, инвариант, жанровая разновидность и жанровая модификация, антижанр, внутренняя мера жанра и др., в свою очередь, составляющие логическую цепочку предпринимаемого анализа, описывающие даже на уровне предварительного перечисления, которое мы сейчас проделали, динамику развития жанра. В работе Е.А. Балашовой, и это ее несомненное достоинство, эти термины обретают плоть, прочно (и динамически!) срастаясь с исследовательским материалом.

Из всего правомерно предложенного Е.А. Балашовой набора терминов у нас вызывает возражение лишь апелляция к предложенному Н.А. Николиной узкому толкованию «жанровой формы» как «итога взаимодействия художественных и нехудожественных жанров в литературном процессе» (с. 25 дисс.). С нашей точки зрения, все дальнейшее

содержание работы Е.А. Балашовой заставляет воспринимать понятие «жанровая форма» гораздо более традиционно и широко. Именно такой подход кажется нам не только полностью реализованным в тексте диссертации, но и убедительным, ибо любой жанр или жанровый конгломерат по определению имеет не только содержательную, но и формальную выдержанность. Вот частный случай: на с. 49 сказано о том, что «пасторальные жанры в России были восприняты вместе с другими классицистическими жанрами через теорию», «пастораль производила впечатление искусственно организованной речи». Из цитаты следует, что в отечественную литературу жанр пришел как жанровая форма, понятая не в том узком смысле, который предложен Николиной?

Еще одно небольшое наблюдение, возникшее при чтении работы: в библиографическом списке не указана известная статья Н.Л. Лейдермана «Проблема жанра в модернизме и авангарде (Испытание жанра или испытание жанром?)» (*Studi Slavistici* V: 2008. С. 147-177), хотя проблематика отдельных фрагментов диссертации, особенно тех, где речь идет о феномене антижанра, близко перекликается с положениями статьи (с. 271-272, 284). Также в интереснейшем фрагменте исследования Е.А. Балашовой о видах транспорта как разновидности идиллического хронотопа (с. 189- 202) хотелось бы видеть отсылки к известным работам J. Faruno (Связь и транспорт в быту, в культуре / языке и в искусстве / литературе // *Studia Litteraria. Polono-Slavica*. 3: Decada poszukiwa. Literatura Rosyjska lat dwudziestych XX wieku. Warszawa, 1999. S. 247-251), Ю. Левинга (Вокзал – Гараж – Ангар: Спб., 2004) и др.

Познакомившись с системным и глубоким исследованием Е.А. Балашовой, хотелось бы задать несколько уточняющих вопросов, вытекающих из ее рассуждений на страницах диссертации:

1. Мы согласны с тем, что включение диалога в идиллию делает ее межродовым образованием (с. 141), но является ли этот признак универсальным для идиллии? Насколько он частотен? М.б., все-таки это не

обозначение природы идиллии, а лишь симптом размывания жанрово-родовых границ как знак ее эволюции?

2. Поражает исследовательская искушенность автора диссертации в поэзии XX-XXI вв. Судя по предложенному в приложении к диссертации материалу, выбор текстового источника для разговора об «идиллии как памяти жанра» мог бы быть самым разнообразным. В этой связи хотелось уточнить: почему именно творчество А. Крученых, к тому же не самый показательный для его творческого «лица» сборник «Рубиниада» стал предметом исследования в избранном ракурсе? Достаточен ли такой выбор для обозначения столь серьезного ракурса разговора об эволюции идиллии, тем более с учетом характерной для литературной работы авангардиста интенции к разрушению канона?

3. Почему не учтенным в материале исследования оказалось творчество Н. Бурлюка с характерным для него мотивом поиска сбежавшей природы – мотивом поиска идиллического пространства, ведь в работе нашлось место примерам поэтических текстов других представителей футуристического движения?

Тем не менее, задаваемые вопросы не умаляют достоинств работы, а напротив, являются следствием ее разноаспектности (в диссертации затронуты и история исследуемого вопроса, и проблема субъектного пласта идиллии, и вопросы о ее хронотопе, роли события в ней и т.п.).

Работа Е.А. Балашовой содержит целый ряд интересных исследовательских мыслей и наблюдений над текстом, в числе которых следующие:

если для традиционной идиллии характерно противостояние естественного и цивилизованного человека, то в современной это противопоставление реализуется в пределах судьбы одного героя;

бессобытийность является структурообразующим признаком идиллии;

в современной поэзии частотно восприятие будущего как идиллического времени, а не воспоминания об идиллическом прошлом;

актуальным в современной поэзии является ее бытование как антижанра; любая современная идиллия – элегоидиллия; хронотоп идиллии предполагает выбор вида транспорта, причем движение осуществляется по горизонтали и т.д.

В связи с последним тезисом маленькое возражение-добавление. На с. 190 работы сказано о том, что в текстах хронологического промежутка «от Маяковского и Северянина до Кушнера», так или иначе соотносимых с жанром идиллии, автомобиль и поезд представлялись как обозначение гармонического пространства. Тем не менее, легко назвать тексты, в которых автомобиль становится врагом идиллического, как, например, в строках А. Мариенгофа («Разве вчерашнее не раздавлено, как голубь / Автомобилем, / Бешено выпрыгнувшим из гаража?!») («Каждый наш день – новая глава Библии...»), «Как сахар в ступке / Детские косточки смертей грузовик, – / Туберкулезного харк – трупики» («Кондитерская солнц»). В аналогичной роли выступает поезд у В. Шершеневича: «На рельсах железнодорожных / Зовя под встречный паровоз, / Ты манишь их, неосторожных, / Чтоб головой под треск колес» («Реминисценция»). Впрочем, делая такое добавление, мы осознаем как неисчерпаемость багажа русской литературы, так и возможную сознательную невключенность данного ракурса проблематики в спектр исследования Е.А. Балашовой.

Рецензируемая работа отличается глубокой степенью проработанности избранной темы и предполагает целый ряд смысловых перспектив, обозначая направления дальнейшего исследования. Так, в качестве перспективных хотелось бы предложить следующие вопросы:

1. Путь от жанра к типу художественности как постжанровому явлению – это универсальная модель пути развития любого жанра, переживающего этап маргинализации, или уникальная история трансформации жанра идиллии?

2. Можно ли говорить об эволюции пародии на идиллию?

Автореферат и опубликованные работы в полной мере отражают основные положения проводимых Е.А. Балашовой научных исследований.

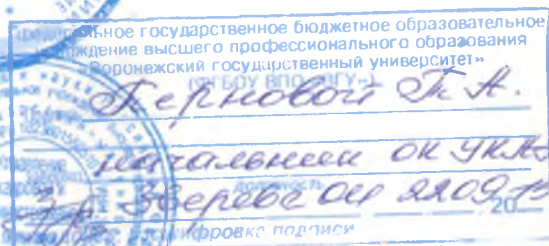
Диссертация Е.А. Балашовой является серьезным, логичным, разноаспектным самостоятельным единоличным исследованием функционирования идиллии в отечественной литературе XX-XXI веков и ее типологии.

Докторская диссертация Е.А. Балашовой соответствует паспорту специальности 10.01.01 – русская литература: п. 4 – история русской литературы XIX-XX веков, п. 8 – творческая лаборатория писателя, индивидуально-психологические особенности личности и ее преломлений в художественном творчестве, п. 9 – индивидуально-писательское и типологическое выражения жанрово-стилевых особенностей в их историческом развитии, а также требованиям пункта 9-14 Положения ВАК Российской Федерации «О порядке присуждения ученых степеней» (утверждено Постановлением Правительства Российской Федерации 24.09.2013, № 842). Автор диссертационного исследования – Балашова Елена Анатольевна – без всякого сомнения заслуживает присуждения ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.01.01 – Русская литература.

22.09.2015 г.

Доктор филологических наук,
доцент кафедры русской литературы
XX и XXI веков, теории литературы и фольклора
Воронежского государственного университета

Т.А. Тернова

Тернова Татьяна Анатольевна - доктор филологических наук, доцент кафедры русской литературы XX и XXI веков, теории литературы и фольклора Воронежского государственного университета, доцент.

Адрес: 394006 г. Воронеж, пл. Ленина, 10, филол. факультет ВГУ.

Тел.: 8473-2208-941.

E-mail: ternova@phil.vsu.ru